

К.В. Карпинский

Смысл жизни как многомерное явление

Смысл человеческой жизни относится к разряду явлений, которые сложны и труднодоступны для психологического исследования. Познание психологических закономерностей его формирования и функционирования осложнено тем, что смысл жизни является многомерным феноменом и требует соответствующей научной характеристики. Многомерность данного феномена означает, что он в действительности принимает множественные формы и имеет широкий спектр разнообразных проявлений в существовании человека, общества и культуры. Ф.Е. Василюк характеризует смысл как пограничное образование, в котором «сходятся сознание и бытие, идеальное и реальное, жизненные ценности и бытийные возможности их реализации» [1]. Именно с данной особенностью смысла жизни связаны трудности его локализации в научной картине мира.

Несмотря на давность проблемы, среди исследователей – философов, психологов, социологов – до сих пор нет единства в понимании онтологического статуса, свойств и функций смысла жизни. Ввиду данного обстоятельства на уровне научного понимания категория смысла жизни иногда провозглашается как «научная фикция» или «гипотетический конструкт», вымышленный учеными, не имеющий определенного онтологического статуса и, в лучшем случае, подлежащий лишь философскому анализу. Это в значительной мере препятствует разворачиванию эмпирических исследований и тормозит развитие теоретических представлений о смысле жизни в психологии и других науках. Одна из главных задач данной статьи – дать онтологическую характеристику смыслу жизни, то есть определить его место в современной научной картине мира, которая является инструментом рационализации реальности, в том числе и субъективной реальности, изучаемой в психологии.

О многомерном характере смысла жизни свидетельствует огромное разнообразие научных определений и трактовок, которые высвечивают разные аспекты, свойства и проявления данного феномена. Сравнительный анализ многочисленных определений и интерпретаций позволяет выделить, как минимум, пять категориальных трактовок смысла жизни – бытийную, интраперсональную (внутриличностную, интрасубъективную, интраиндивидуальную), интерперсональную (межличностную, интересубъективную, интериндивидуальную), метаперсональную (внеличностную, внеиндивидуальную), экстраперсональную (надличностную, надындивидуальную). Каждая из них обнажает определенную плоскость существования смысла жизни и специфические формы и функции, которые он в данной плоскости принимает и выполняет соответственно.

В *бытийной плоскости* смысл жизни характеризуется как объективное свойство индивидуального жизненного пути – его общая смысловая направленность, как объект самоотдачи, объективированная ценность или группа ценностей, на которую устойчиво и интенсивно устремлена активность субъекта в течение длительного периода жизни, либо как объективное отношение субъекта к собственной жизни, в котором совокупно отражается динамика

жизненных отношений [2–3]. Наиболее важным показателем смысла жизни как объективного феномена выступает интенциональный вектор жизненного пути личности, то есть его устремленность к определенному предметному содержанию и наполненность этим содержанием: при наличии смысла жизни личность живет не «вообще», а ради чего-то и в связи с чем-то. Источники смысла жизни лежат не внутри психики человека, а в его бытии, которое является динамической системой его отношений с миром. Поэтому данная плоскость выступает как первичная и порождающая по отношению ко всем остальным и подразумевает рассмотрение смысла жизни в качестве элемента системы отношений человека с миром и собственной жизнью как одним из наиболее крупномасштабных «объектов» мира. В бытийной плоскости смысл жизни предстает как объективный и не зависящий от осознания, фигурирует в качестве объективного основания и критерия адекватности субъективных представлений человека о смысле своего существования. Некоторые исследователи подчеркивают, что именно объективно сложившаяся направленность жизненного пути человека несет в себе подлинный смысл жизни, который может искаженно отражаться сознанием или вовсе не выводиться на уровень осознания [4–5]. В. Франкл идет еще дальше, полагая, что жизнь человека всегда на что-то объективно нацелена, а значит, не теряет смысл ни при каких обстоятельствах; другое дело, что человек не всегда способен узреть и принять этот смысл [6]. Таким образом, в бытийной плоскости смысл жизни раскрывается как объективное соотношение человека с жизнью, определяющее способ практического преобразования жизненных обстоятельств в индивидуально-неповторимый жизненный путь.

Психологической реальностью смысл жизни становится при рассмотрении его в нижеследующей плоскости существования.

В *интраперсональной плоскости* смысл жизни анализируется как структурно-функциональный компонент субъективной реальности человека: сознания, личности и психологических механизмов регуляции жизнедеятельности. Формы представленности смысла жизни в субъективной реальности человека неоднородны. Их можно подразделить: формы существования и функционирования смысла жизни в структуре сознания (*феноменологический аспект*), в структуре личности (*личностный аспект*) и в системе механизмов психической регуляции жизнедеятельности субъекта (*деятельностно-регуляторный, или жизнедеятельностный, аспект*).

Смысловые структуры и процессы внутреннего мира следует понимать как «субъективно превращенные» или «идеальные формы» отражения объективного жизненного смысла и скрывающихся за ним реальных отношений человека к дискретным событиям жизненного пути и к жизни в целом. Необходимость в субъективной репрезентации этих отношений коренится в том, что, будучи субъектом жизни, человек должен сознательно на них ориентироваться и подчинять им свою активность, направленную на воспроизводство жизненного пути. Смысл жизни конкретно и выполняет функции презентации, выделения и структурирования в психике и, в частности, в сознании субъекта его жизненных отношений, а также согласования с этими отношениями жизнедеятельности субъекта. Эти отражательные и регуляторные функции позволяют квалифицировать смысл жизни как смысловое образование личности, а точнее – как динамическую систему смысловых структур и процессов, занимающих в структуре смысловой сферы личности центральное место, отличающихся высокой степенью обобщенности и программирующих общую смысловую направленность индивидуальной жизнедеятельности.

Если в *структуре личности* смысл жизни имеет инвариантную форму динамической смысловой системы, то формы его репрезентации в *структуре*

сознания варьируют значительно сильнее. По меньшей мере, можно выделить когнитивные и эмоциональные репрезентации смысла жизни на уровне сознания, соответственно выраженные в *понимании смысла жизни* и *переживании личностью осмысленности жизни*. Наконец, в *системе механизмов психической регуляции жизненного пути* личности смысл жизни является системообразующим звеном, задающим режим функционирования регуляторных процессов полагания и удержания жизненных целей и задач, моделирования значимых жизненных условий, прогнозирования, планирования и программирования жизненного пути, оценивания и контроля результатов жизнедеятельности, принятия биографически важных решений и корректирования жизненного пути [7].

Смысл жизни преимущественно изучается психологами в интраперсональной плоскости, т.е. как психическое образование, осуществляющее регуляцию индивидуальной жизнедеятельности и не выходящее за ее пределы. При этом он предстает как «монологическое» образование, лишённое диалогических функций, выпадающее из контекста межличностного взаимодействия, совместной жизнедеятельности и культуры. Вырисовывается неадекватная реальности картина, в которой субъект, изъятый из системы социальных связей и извлеченный из лока культуры, строит жизненный путь и определяет смысл жизни в полном одиночестве. Эта картина является весьма ограниченной научной абстракцией, которую, вслед за Д.А. Леонтьевым, можно назвать «онтологией изолированного индивида» [5]. Вместе с тем, как показывает жизнь, поиск человеком смысла своего бытия не может быть в достаточной мере успешным без тесного взаимодействия с окружающими людьми и без обращения к смысловому фонду культуры.

«Онтология одинокого индивида», вырванного из системы социальных связей и отлученного от культуры, опровергается путем раскрытия межличностных и надличностных форм существования смысла жизни, т.е. форм его укоренения в пространстве общения и культуры. Здесь незаменимой оказывается культурно-историческая теория, которая представляет собой учение о том, как из объективного мира культуры в процессе человеческого общения зарождается субъективный мир личности. Поскольку культура – это «система перевода ускользающих в прошлое и будущее ценностей настоящего в бытие человека, в смыслы его жизнедеятельности» [8–9]. В этой связи весьма перспективным выглядит переход от «онтологии одинокого индивида» к «онтологии индивида в мире общения и культуры». Такая методологическая ориентация подсказывает, что поиск смысла жизни является не столько «личным делом» человека, оторванного от других людей, сколько процессом его совместной жизнедеятельности с другими людьми в определенном культурном окружении.

Прежде всего имеются веские научные основания для рассмотрения смысла жизни в роли фактора организации межличностного общения и взаимодействия. В этом случае смысл жизни выступает в *интерперсональной плоскости* как фрагмент смысловой реальности, зарождающейся и существующей в пространстве диалога, межличностного взаимодействия и совместной деятельности (а точнее – жизнедеятельности) людей. В общении, «обмениваясь информацией, люди не просто обмениваются значениями, но стремятся выработать «общий смысл» [10]. Поэтому смысл жизни здесь фигурирует как составной элемент фонда смысловых образований, наработанного в процессе общения и обслуживающего взаимопонимание партнеров по жизненному пути и координацию их индивидуальных линий жизни. Тех партнеров, у которых смысловой фонд общения и взаимодействия гармонизирован на уровне индивидуальных смыслов жизни, можно считать не просто единомышленниками, но и «единосмысленниками».

Ранее предпринятое нами эмпирическое исследование мотивации понимания смысла жизни показало, что смысл обладает выраженной коммуникативной

функцией, являясь немаловажным фактором организации межличностного общения со «спутниками жизни». Среди мотивировок – ответов на вопрос «Для чего человеку необходимо понимать смысл своей жизни?» – выделилась группа коммуникативных мотивов: «для нормального общения с окружающими», «для лучшего понимания себя и людей», «чтобы идти по жизни с близкими», «чтобы знать, как ужиться с другими» и т.д. Общим для ответов этой группы является указание на способность смысла жизни интимизировать общение, усиливать взаимопонимание и самораскрытие в коммуникативных ситуациях [11].

Одним из свойств смысловых структур личности является невозможность прямой и полной кодификации в значениях, что затрудняет их передачу в общении. В то же время общение на уровне личностных смыслов рассматривается как неотъемлемое условие психологической близости и открытости партнеров. Общей для участников общения смысловой контекст способствует достижению ими взаимного согласия и понимания. При этом глубина коммуникативного контакта напрямую зависит от того, обмениваются ли партнеры смысловым содержанием своих сознаний и каков ранг смысловых структур, опосредствующих и скрепляющих общение. Одно дело, если консенсус достигается на основе ситуативных и поверхностных смысловых структур, например, личностных смыслов и смысловых установок. Совсем иное дело, если партнеры сближаются на основе устойчивых и глубинных ценностей, входящих в «ядро» личности. Смысл жизни как раз и фигурирует как «стержневое» образование личности, которое своим включением в ситуацию общения создает предельно общий смысловой контекст. Соприкосновение смыслов жизни в смысловом пространстве общения обеспечивает высокую степень диалогичности, интимности и одухотворенности общения. Полученные данные подтверждают предположение о связи между глубиной общения и рангом смысловых структур, которые вовлекаются в совместный смысловой фонд общения [5].

Смысл жизни, таким образом, является важным фактором организации человеческого общения, в чем собственно и конкретизируется его коммуникативная функция. Эта функция присуща ему именно как интерперсональному феномену «смыслового пространства» или «совместного смыслового фонда» общения.

Для перехода к следующей плоскости рассмотрения смысла жизни важно отметить, что в ходе общения и межличностного взаимодействия наблюдается двусторонняя смысловая динамика: ассимиляция смыслов, транслируемых партнером, и передача ему собственных смыслов, в том числе и смысла жизни. Иначе говоря, смысл жизни одного человека получает «вторую жизнь» внутри личности партнера и наоборот.

В *метаперсональной плоскости* смысл жизни одной личности обнаруживает себя в виде «смыслового вклада» в смысловую сферу другой личности, где он приобретает объективную форму персонализации или «инобытия». Эта плоскость существования смысла жизни освещается в концепции персонализации А.В. Петровского и развитой на ее основе концепции отраженной субъектности В.А. Петровского [12]. Неотъемлемым условием идеальной запечатленности смысла жизни одного человека в смысловой сфере другого выступает совместная жизнедеятельность, по ходу которой субъекты обмениваются смысловым опытом и обоюдно производят изменения в личностно-смысловых образованиях. Наглядной иллюстрацией данной закономерности является, например, феномен «общности судьбы», суть которого заключается в конвергенции позиций супругов по смысложизненным вопросам по мере накопления стажа совместной жизни [13]. Как показали результаты эмпирических исследований А.А. Кроника и Е.А. Хорошиловой, между людьми, чьи жизненные линии пересекаются между собой, наблюдается перенос личностных качеств, в том числе смыслового характера. При этом восприимчивость одного человека

к смыслам другого определяется тем, насколько события жизни этого другого задают значимые условия жизнедеятельности первого [8].

Принятие смысложизненной позиции другого человека также стимулирует истинно диалогическое, доверительное общение, протекающее в условиях глубоко самораскрытия партнеров и отсутствия психологических защит. Такое «лично-ориентированное общение» (А.А. Леонтьев) ведет к обогащению смысловой сферы общающихся, потому что является «толчком к внутренней «работе» личности по переосмыслению себя, своей позиции в мире, своего жизненного опыта и т.п.» [14]. Что касается переосмысления личностью жизненного пути и переоценки его смысла, то в повседневности этому служат так называемые «биографические беседы», которые разворачиваются по поводу лично значимых жизненных событий. В психотерапевтической практике подобные беседы принимают клиническую форму «биографического нарратива», преследующего цель смысловой трансформации жизненного опыта [15].

Таким образом, метаперсональная плоскость – это пространство существования смысла жизни одной личности в структуре смысловой сферы другой личности. Сензитивность одного человека к смысложизненной позиции других детерминирована их биографической значимостью, выражающей степень участия этих людей в судьбе человека и тесноту переплетения их жизненных линий. Встреча со смысловым миром другого человека в процессе совместной жизнедеятельности или биографической беседы привносит новые «горизонты» в осмысление личностью своей жизни. Человек может достичь ранга не только биографически, но исторически значимой личности, если его жизнедеятельность предопределяет судьбы многих современников, затрагивает жизнь общества в целом. Жизненный путь такого человека часто становится образцом для повторения, а смысл жизни претворяется в смысловые образования личности соратников, современников, последователей.

В *экстраперсональной плоскости* смысл жизни рассматривается как элемент смыслового поля культуры, бытующий в форме этико-мировоззренческих систем, архетипов, мифов, символов, культурных образцов жизненного пути и судьбоносных поступков личности, общественных по своей природе и коллективных по происхождению жизненных идеалов и в материализованной форме культурных предметов-ценностей. Психологическое исследование с необходимостью предполагает обращение к понятию культуры потому, что формирование индивидуального смысла жизни личности имеет общественно-историческую и социокультурную обусловленность. Оно осуществляется в процессе присвоения человеком материальной и духовной культуры по ходу взаимодействия с другими людьми. Взаимодействие с живыми носителями культурных смыслов жизни является неотъемлемой предпосылкой для интериоризации личностью этих смыслов. При таком подходе смысловое содержание культуры расценивается не только и не столько как внешнее условие для социализации и инкультурации человека, сколько как строительный материал, из которого в процессе усвоения и присвоения человек формируется как личность. Личность не просто «впитывает» смысловое содержание культуры: она именно строится, конструируется из смыслового материала культуры по ходу распределения внешних (объективных и материальных) форм закрепления смыслов. Этот механизм развития и трансформации личности основывается, в первую очередь, на том, что «первичные формы аффективно-смысловых образований человеческого сознания существуют объективно вне каждого отдельного человека, существуют в человеческом обществе в виде произведений искусств или в других каких-либо материальных творениях людей, т.е. существуют раньше, чем индивидуальные или субъективные аффек-

тивно-смысловые образования» [16]. Таковы основные положения культурно-исторической теории психического развития человека в проекции на проблему поиска и обретения человеком смысла жизни.

Таким образом, онтологическая характеристика смысла жизни является многомерной сообразно с тем полиморфизмом, который присущ данному явлению в действительности. Различные и порой противоречивые по своему содержанию научные формулировки понятия «смысл жизни» оказываются скорее взаимодополняющими, чем альтернативными. Они вскрывают «единство многообразия» феноменологии, свойств и функций смысла в существовании человека, общества и культуры. Неправомерны и несостоятельны попытки абсолютизации какого-либо одного аспекта смысла жизни в ущерб остальным. Реальной многомерности смысла жизни может адекватно отвечать только многомерная онтологическая характеристика в науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Васильюк Ф.Е.** Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М., 1984. – С. 129.
2. **Абульханова-Славская К.А.** Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности / Под ред. **Л.И. Анцыферовой**. – М., 1981. – С. 19–45.
3. **Адлер А.** Наука жить. – Киев, 1997. – 315 с.
4. **Александрова Ю.В.** Нравственное переживание как путь преодоления «раскола» смысла жизни / Психолого-педагогические и философские проблемы смысла жизни. – М., 1997. – С. 140–145.
5. **Леонтьев Д.А.** Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М., 1999. – 487 с.
6. **Франкл В.** Человек в поисках смысла. – М., 1990. – 368 с.
7. **Карпинский К.В.** Осознанная саморегуляция жизненного пути личности // Психологическая служба, 2003, № 4. – С. 22–31.
8. **Крымский С.Б., Парахонский Б.А., Мейзерский В.М.** Эпистемология культуры. – Киев, 1993. – 216 с.
9. **Юнг К.Г.** Архетип и символ. – М., 1991. – 304 с.
10. **Общение и оптимизация совместной деятельности** / Под ред. **Г.М. Андреевой, Я. Яноушека**. – М., 1987. – 302 с.
11. **Карпинский К.В.** Коммуникативная функция смысла жизни // Международная конференция «Психология общения 2000: проблемы и перспективы». Тезисы докладов / Под ред. **А.А. Бодалева**. – М., 2000. – С. 127–128.
12. **Петровский А.В.** Вопросы истории и теории психологии: Избранные психологические труды. – М., 1984. – 272 с.
13. **Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.В.** Семейная психотерапия. – Ленинград, 1989. – 192 с.
14. **Родионова Е.А.** Общение как условие формирования личности // Психология формирования и развития личности / Под ред. **Л.И. Анцыферовой**. – М., 1981. – С. 177–197.
15. **Hermans H.J. M. & Hermans-Jansen E.** Self-narratives: The Construction of Meaning in Psychotherapy. – N.Y., 1995. – 306 p.
16. **Эльконин Д.Б.** Избранные психологические труды. – М., 1989. – 560 с.

S U M M A R Y

The article deals with the issue concerning psychological analysis of the sense of existence when the given category is regarded as a multi-measurable phenomenon.

Поступила в редакцию 24.02.2005